

П

ОЧТИ в каждом театре есть спектакли, которые ассоциируются только с этим театром и ни с каким другим. Долгие годы, говоря о ЦТСа, обычно называли «Учителя танцев». Спектакль, ставший живой легендой, проживший почти 30 лет, сыгранный 1.330 раз, — какие редкие для любого театра цифры! А говоря «Учитель танцев», все сразу скажут: Владимир Зельдин. Потому что эти понятия: «Учитель танцев» и Альдемаро — Зельдин неразрывны, переплетены, составляют одно целое. Вечером 9 февраля тоже пойдет «Учитель танцев», и в роли Альдемаро — все так же Зельдин, которому исполнилось 60 лет. Сорок из них отданы театру.

Вспоминаю свой первый спектакль, в котором я увидел Зельдина, — это был тот же «Учитель танцев» — увидел, будучи студентом театрального училища. Увидел — и был ошеломлен, потрясен. Танец, речь, вокал соединились органично и легко. Никогда не забыть мне его страстного болеро из второй картины, когда он пытается попасть в дом Флорелы, и его знаменитого прыжка на оба колена в конце танца. Так не упадет на

УЧУСЬ У «УЧИТЕЛЯ ТАНЦЕВ»

колени иной балетный артист — пожалеет колени, а Зельдину — Альдемаро ничего не жаль. Ему нужно только одно, чтобы его взяли в дом Флорелы, чтобы он мог ее видеть ежедневно, ежеминутно.

А его знаменитый монолог-признание «Скажет пусть моя гитара!» Мне кажется, что это пик его роли, ее вершина. С какой открытостью, незащищенной искренностью, честностью человек говорит своей любимой о себе. Этим монологом он вверяет ей свою жизнь. Он больше не принадлежит себе, он весь для нее.

Мне кажется, это главное для Зельдина в роли Альдемаро: за любовь он отдаст жизнь.

Таким я увидел актера в его лучшей роли. Прошел год, и я сам пришел в труппу ЦТСа. Первые выходы, первые слова на нашей гигантской, трудной сцене. Присматриваюсь ко всем, знакомлюсь с Зельдиным. Уже тогда мной овладела дерзкая мысль сыграть Альдемаро. Узнаю, что актер почти ежедневно занимается с утра пластикой, танцем,

движением. Однажды пришел утром, спросил: «Не помешаю?» — «Пожалуйста»... Стали заниматься вместе. Потом взял да и сказал: «Хочу играть Альдемаро». В ответ полное желание помочь. Не так уж часто это случается в театре. Началась наша творческая и человеческая дружба, которая не прекращается ни на один день вот уже тринадцать лет. И я благодарен судьбе, которая меня свела с артистом, чья жизнь может служить примером преданности своей профессии, любви к театру.

Театр — его дом. Это не слова, он все время хочет, должен быть в театре. Это его потребность. Даже вечерами, когда бывает свободен, он заходит в театр, заходит в зал, смотрит какую-то сцену, радуется хорошему, расстраивается, если видит, как туснеет, сереет спектакль. Потом об этом говорит без усталости. Не может понять, как можно не волноваться, не ощущать ту огромную ответственность, которую несет артист, выходя на сцену, не радоваться предстоящей встрече с шумящим, ожидающим залом. Мне ка-

жется, Владимир Михайлович больше всего в театре ненавидит серость, мещанство, ординарность, скуку. Для него театр всегда праздник.

Вспоминаю прошлые годы, когда Зельдин был очень плотно занят в репертуаре. На гастролях — спектакли каждый день. А какие роли! Клайд («Закон Ликурга»), Костя Ставриди («Песнь о черноморцах»), Рекала («За тех, кто в море»), Костя Часовников («Океан»), Ринальдо («Ринальдо идет в бой»), Граф Лундешев («Часовщик и курица») — вот первое, что вспомнилось. Такая нагрузка требовала строжайшего режима. К спектаклю он должен быть готовым, отдохнувшим и духовно, и физически, этому подчинено все. Нервы, эмоции, свой темперамент — все для сцены. Главное в жизни — вечер в театре. И этому он учил нас, молодых. Учил не назиданиями, а своим примером. Ему до всего есть дело. И здесь порой тихий, спокойный, интеллигентный и мягкий Зельдин становится «железным» и неуступчивым. В этой борьбе за то, что ему дорого, он бесстрашен и неукротим.

И еще одно: Владимир Михайлович не пропустит все интересное, что есть в театрах, кино, эстраде, музыке, он смотрит почти всех иностранных гастролеров. Он умеет радоваться, восхищаться победой своих собратьев по искусству.

И, мне кажется, ими он проверяет себя: свои устремления, мысли о сегодняшнем дне, о новых работах. Он хочет идти в ногу с временем, а для этого ему нужно многое знать, многое видеть и многое уметь.

Последний раз Зельдин играл Альдемаро четыре года назад. Последние три месяца, готовясь к новому выходу на сцену в «Учителе танцев», он ежедневно приходил по утрам в театр и занимался, занимался. Он словно заново готовил себя к роли.

Не сомневаюсь, что его Альдемаро и сегодня будет так же пылок, искренен, щедр, как и прежде, он отдаст всего себя, все свое сердце, душу Флорелле, а в конечном счете публике, театру.

Федор ЧЕХАНКОВ.

Соб. рукопись, 1975, 49 стр.